
Расписание бабочек

[Игорь ШУМЕЙКО](#) - 05 мая 2017

Body

Памяти Н.А.

Подмосковное пригородное сообщение так мудро устроено, что некоторые электрички, доехав до своих вокзалов, не бегут назад, но скользнув по соединительным путям, переходят на другую дорогу и мчатся далее, в противоположный конец области. Из Дубны в Бородино, из Серпухова до Волоколамска... маятником возвращаясь под самый вечер. Далее мудрость других сфер. Оказывается, самым чутким обонянием Природа снабдила бабочек: ловят, даже нельзя сказать запах — буквально две-три молекулы на кубокилометр! Как именно — непонятно, но факт научный, верный, не менее, чем предыдущий, с электричками. Используется это совершенство, не снившееся и самым чутким на нос собакам, не для поиска пищи, упреждения врагов: только в брачных целях. Как и вся хрупкая красота бабочек. Вычитая любые прочие, кроме любви цели Природа дошла до умильного предела: Бабочки-однодневки. «Однодневка — народное название насекомых-подёнок, лат. Ephemeroptera». Правда научное «поденки» режет слух, напоминая о «поденном труде». Именно однокоренные «поденщикам» бабочки-поденки — существа самые свободные от труда на свете! Этим «эфмеропттерам» вообще не назначено бороться, питаться: не только пищеварения, нет даже рта. Их Долг: родиться/проснуться летним утром, исполнить брачный танец, отыскать свою пару, произвести потомство и вечером осыпаться белыми хлопьями по полянам, обочинам дорог...

Ранним воскресным утром от дальней станции на границе Московской области начинала свой путь первая электричка. Прокладывавшие когда-то железную дорогу не стали нанизывать на нее древний городок, и платформа стояла в стороне, на тихой лесной поляне. Только автодорога и две пешеходных тропинки прорывали кустарниковую, осиново-березовую стены, окружавшие станцию.

В июле подмосковная природа, птички, цветы, бабочки просыпаются в один час с пригородными поездами. В четыре утра на поляну у платформы слетелись самые первые бабочки-мотыльки. В лесу, где минуту назад они родились - еще ночь, сырая темнота, суровый холод. А на поляне среди ромашек, фиолетово-лиловых ворохов иван-чая — уже

начался день, отмеренный им век.

Лучшая часть дня/жизни: утро, первая прогретая полянка рождает атмосферные потоки, ветровые горки, карусели, на которые так тянет взобраться наперегонки, купаться в воздушном фонтане выбирая своих «суженных». Веселая метель мотыльков, один короткий, простой закон природы: перед продолжением рода – покрасоваться. Получается, Закон более непреложный, универсальный, чем даже борьба за еду... Кому-то заливать соловьем, рычать, токовать, распускать павлиний хвост, доставать джинсы «Левис», покупать билеты на дискотеки-кино, исполнять свой Утренний танец... Чуть нагретый асфальт платформы давал восходящий ток еще очень слабый, людьми не чувствуемый, но юным бабочкам это был настоящий аттракцион ЦПКО, и самые смелые покинули полянку, прядая вверх-вниз, вправо-влево все ж перелетели оградку. Прямой угол черной платформы и грязно-зеленого борта электрички ловил первые лучи солнца. «Встала из мрака молодая, с перстами пурпурными Эос»...

Наверно, каждое утро напоминает о юности, в мечтательной дреме пожилой машинист посматривал на пустую платформу через зеркало на кронштейне. Белая бабочка, затем другая отделились от стайки танцевавшей над скамьей и обгоняя друг друга, сели на проржавленную четырехугольную окантовку, любовались собой. Расцвет сил, красоты, юность - нет даже более ранний период: самый вылет из детства, по шкале романа Льва Толстого: «отрочество», а по циферблату в кабине машиниста: всего полчаса.

Отправление в 4:15.

Первой в зеркало, конечно, заглянула Она. Огромные черные бусины глаз, прозрачно-слюдяные, рассеченные десятками жилок крылья. Выходя на «рабочую частоту» взмахов они как в стробоскопе рождали рисунок, свой у каждой однодневки. У зацепившейся за окантовку зеркала этот дрожащий рисунок был немного похож на глаз — третий, считая две её фасетные бусины, и вполне «человеческий» по структуре: радужная оболочка, зрачок.

Игриво следуя за Глазастой, поднялся и пересел на ржавой окантовке поближе, заглянул в зеркало её кавалер. Вибрация его крыльев выдавала облачный рисунок дуги, похожей на месяц или серп.

Главная примета однодневок, отличающая от других бабочек: хвостовые нити, два волоска длиной с полспички. Сколь ни вычитывай, ни Жан Фабр («Жизнь насекомых») ни наш Акимушкин их назначение не объяснят. Впрочем, именно в «однодневочном» случае всё можно списать: «А это, так, для красоты». Перебирая в какой-либо системе назначение деталей, так полушутливо говорят про оставшиеся непонятными. И правда, если вся жизнь, не вмещающая питания, погонь, маскировки — только один брачный танец, тогда про любую деталь, черту можно сказать: «красоты ради».

Диктант всеобъемлющей любви, согласно Данте движущей даже планеты и звезды, тем сильнее звучит в этих крохотных беззаботных летунах. Наверно, если от любого создания последовательно, как выразился один земляк Данте, «отсекать всё лишнее», то есть не лишнее, но предназначенное для других целей — от каждого останется только такая порхающая бабочка, антеннка, настроенная лишь на прием «радио любви»: прозрачные крылья, бусины глаз и вьющиеся хвостовые нити.

И кавалер, назвать которого по эфемерному, стробоскопному рисунку можно: Серп или Месяц, поглядывая на Глазастую, неумоимо вспархивал, играя нитями и присаживался то чуть ближе, то чуть дальше. Но та, зачарованная зеркалом, внезапным удвоением мира, изумленно глядела на стайку собратьев, танцевавших над скамейкой, платформой, на игру крыльев и нитей, что им раздали в Зазеркалье.

Серп-Месяц, уверенно порхавший кавалер, присел совсем рядом, закрыв своими крыльями почти всю картинку зазеркальной трансляции. Пробившийся сквозь зеленые березовые декорации солнечный лучик вдруг зажег слюдяные лопасти за его спиной. Серп-Месяц нравился Глазастой, но куда спешить, впереди еще — вся жизнь!

Несколько полусонных пассажиров шагнули в вагоны. Бабка с двумя корзинами цветов, только что срезала. Зевотная рань, но ей виднее: значит, покупают в Москве цветочки уже с семи утра.

Машинист пригрозил «Осторож-двери-рываются» и... действительно повернул рычаг. Для танцевавших на платформе бабочек, это был будто внезапный первый залп Войны, первая бомбежка, начавшаяся когда-то именно в такой же ранний час. Заряженный компрессорами сжатый воздух с шипением и ревом пошел по патрубкам, поднимая пыль, толкнул со скрежетом десяток дверей.

Подброшенная страхом и рикошетной «взрывной» волной Глазастая отскочила, полетела к стайке кружившей вдалеке над скамейкой, тоже напуганной самым сильным в их недолгой жизни звуковым ударом. Но даже отправленные в однодневную жизнь эфемерные создания несут отпечаток всемирного разделения: пол. Вот и кавалер Глазастой выказал свое мотыльковое мужество: оценивая угрозу он подлетел к шипящим дверям, и... был вброшен в тамбур компрессорным ураганом. Первые секунды он еще боролся с вихрем, напрягая всю мощь крыльев, но две железных скалы сомкнулись едва не раздавив героя...

Мир в который он попал был ужасен. Не круг – так квадрат Ада, неизвестно какой по дантову счету. Хлеставшие потоки воздуха со всех сторон и ни единой веточки, чтоб зацепиться, удержаться в швырявшем урагане.

А «бог-громовержец», одним манием руки обрушивший на мир бабочек эту катастрофу, поймал волну привычного колесного перестука, глядел на раздвигавшиеся перед поездом занавеси перелеска и тихо думал об... иван-чае. Фиолетовые сугробы, подступавшие к самой насыпи, тянулись на многие километры: какое потрясающее подмосковное богатство! Ведь все газеты и телепередачи о здоровье подтверждают: иван-чай – мощнейшее средство против рака! Вердикт единодушен, спорят лишь о способах отваривания, дозах и на какой стадии он более действенен. Безупречно неопровержимы только сторонники теории «онко-профилактической»: пить иван-чай надо чуть не с детства и в каких-то лошадиных дозах, иначе – извините... Машинист уже и этим летом набрал на полянках и вдоль дорог целые охапки иван-чая, сушившегося на чердаке их дачки, а в картонных коробках оставались запасы еще прошлогодние и даже немного позапрошлогодних. Образовалась даже существенная экономия денег на чае обычном: за компанию с женой он тоже пил, не забывая громко нахваливать душистый, «духмяный» напиток. Семь лет как его жену затянула воронка онкологии, и к «химиям», лекарственным «курсам», облучениям, теперь, как самое гнетущее добавились – Расписки. На этой стадии перед операциями и процедурами врачи уже просили ставить подписи о согласии пациентки и мужа. Скорбные листки, русские слова не многим понятнее латинских, жена пытается что-то уяснить заглядывая в глаза врачей, он – в её. Медики с ласковой усмешкой иван-чай в общем не отвергали, «пейте на здоровье», но... экология, канцерогены, стрессы. Вот с последним трудно не согласиться: стрессы точнее один, но многолетний, уже многодесятилетний: единственная дочь, стареющая в полном одиночестве. Каждый Новый год втроем вокруг стола – пытка. Тем горшая, что не стираются воспоминания о её юности... Восторги, кавалеры... Слишком много было радостных предчувствий. Вырастили большеглазую красавицу. По возрасту чуть опоздала к поднявшейся волне Конкурсов разных Мисс, но о том ли печаль — жених-то Ирочкин, жених! На тогдашних лихих виражах, что в его депо, что в женином ателье опасались всего и за всех. Особенно, люди их поколения — за детей, которым, похоже, выпадало жить в другой стране. И Сергея ирочкина судьба им послала как... в мифологиях они были не сильны, ну как Данко из рассказа Максима Горького – про этого-то все слышали, видели иллюстрацию: ведет за собой, сердцем освещает путь вперед. Уверенный. Не только словами, делом он объяснял им законы и возможности новой жизни. Будущему тестю успел подарить Тоёту с малым пробегом, теще – шубу из самого нежного меха. Ирочка вообще отказа не знала. И не вор, кооператор какой или брокер: занимался — «редкоземельными металлами». Поднимался стремительно, так, что про покушение на него (неудачное, машина только взорвалась) в новостях говорили два дня. Но сначала собиравшиеся тучи второй осады Белого Дома заслонили сюжет Сергея, а затем нескончаемый хоровод похожих покушений, десятки, сотни удачных и неудачных, изрешеченные двери квартир, «офисов», автомобилей, подожженные «загородные

виллы»... А Сергей исчез внезапно, как сдуло ветром, Ира твердила, да и так понятно: не хотел навести на них беду. Его искали те, взорвавшие его машину, и другие, объявившие Сергея должником. За ними тоже следили, Ирочке даже угрожали, но проведя, видно, некоторые вычисления отстали. Может, оставили возле них какой-то датчик, то есть, конечно, человека в роли сигнального колокольчика на удочке. В маленьком городке, вчерашнем поселке – какого-то нового особо не «внедришь» и думать, то «колокольчиком» стал кто-то из соседей, было неприятно и тяжело.

Прошли месяцы, потом годы, ожидание вошло в ритм жизни, в привычку... Недавно в свой задумчивый час машинист почти сформулировал тезис. Будь он не водитель пригородных электричек, а герцог Ларошфуко, назвал бы это максимой: «Ожидание – вреднейшая из привычек». Хуже наркомании, знакомой, конечно, лишь теоретически, по телефильмам. Хуже курения: тут он судить мог — бросил «смолить» после первого из походов с женой по врачам.

Сначала Ожидание — форма благородной Верности, но вошедшее в привычку, в механику души, оно съедает изнутри, перечеркивает жизнь — примерно это хотел своей «максимой» сказать машинист. Может их Сергей тоже увял в коконе ожидания, сидя под чужой фамилией в Югославии или Израиле (последние из предположений газет перед занавесом полного Забвения). По вестям о взаимных убийствах высчитывает момент, когда можно вернуться. Или переродившись для новой жизни, забыл, просто уронил – потерял как дискетку, ту часть Памяти, где Россия, подмосковный городок, большеглазая Ирина. Или просто его уже нет. Нет в материальном мире, есть лишь образ, тоже некий стробоскопный рисунок, парящий над хороводом чужих мыслей, воспоминаний при определенной их частоте и интенсивности.

Ирине уже не родить, ему не видать внуков, жене в своей онковоронке – последнего утешения. Ограбление. Похищена жизнь дочери и по полжизни у них с женой. Пустота, какая-то «вакуумная бомба» сброшена на семью. А взамен наполнения жизни всем, чем наполнена жизнь у соседей, друзей, коллег по депо, ателье... пустынный ландшафт рождает в душах фантазийность, мечтательность.

Что-то подобное бывает в параллельной, рядом идущей жизни насекомых — отрывок рассказа какого-то натуралиста, случайно (телепередача была?) заброшенный в память, сообщал: главное у «малых сих»: возможность Метаморфоз. И не только зашифрованных по наследству, особо запомнилось, как одна и та же личинка, нимфа может стать «маткой», но что-то вдруг случись – вырастает совсем другая особь. Вот и он, машинист электрички, унесенный в открытый космос (в смысле пустынности) – стал почти писателем. Записывать, конечно, не записывал, но ярко представлял разные картины. Например, как однажды в город возвращается Сергей. В его электричке. Втянув голову в колодец воротника серого плаща выходит. Пассажиров слишком мало что бы затеряться. Сначала мелькнул в зеркале, несколько шагов и сравнялся с кабиной, спускается с платформы. Кажется, он беден и болен. Буря мыслей, решений захватывает машиниста, он бросает кабину, бежит, догоняет, но почему-то всё не может догнать, заглянуть в лицо прихрамывающего Сергея...

Поезд набрав ход, увозил кавалера всё дальше от Глазастой. Лучи поднявшегося солнца уже не пробивали вагон из окна в окно насквозь. Намучившись на вихрях квадрата Ада – тамбура, мотылёк еще раз проявил геройство: вместе с вошедшими в Талдоме перелетел в вагон, не испугавшись сдвигающихся скал-дверей так похожих на первые, что с грохотом отрезали его от своей страны. Вагон явил ему награду за смелость, временное отдохновение, смолкли, словно выключились тамбурные ураганы, багажная полка дала простор присесть, перевести дух...

Объявленная машинистом «станция Лобня» что-то означала для пассажиров: впервые кто-то вышел, до этого электричка, шедшая в сторону Москвы, только пополнялась. Но для мотылька-однодневки это объявление означало лишь то, что он, даже вылетев из дверей прямо сейчас вместе с лобненцами – уже никогда не доберется до родины и своей Глазастой. Вы просто помножьте скорость полета на срок жизни и убедитесь сами.

А на сиденьях под мотыльком разыгрывалась сценка из другой жизни. «Странствия Евгения Онегина» продолжались. Подарком мотыльку, маленькой удачей на фоне жизненной катастрофы стали цветы в корзинах. Проявив отвагу, рискнув еще раз, он оставил железную полку и перелетел на махровые трубочки георгинов, расходящиеся как лучи солнца. Две корзины не могли заменить поляну, но... всё же какое-то подобие родины, родной среды. Большинство срезанных георгиновых шариков фиолетовым отливом напоминали иван-чай его первой и единственной поляны. Кошка, сидевшая напротив, на коленях у девочки своего интереса ни одним движением не выдавала, но из всего вагона выбрав именно мотылька на цветке - следила внимательнейшим образом, словно собирая материал для докторской диссертации.

Люди прибывали. На Долгопрудной бабка не очень охотно переставила корзины на пол освобождая сиденье. Зашедшая вместе с пожилой дамой грязноватая драная болонка явно набивалась кошке в компанию.

— Мяу! - подумала кошка и отвернулась.

Именно так. Ведь странно, даже в самых реалистических рассказах, где зверюшки выражаются вполне аутентично: «Рр-гав! Мур-мяу», «И-го-го», размышления им вкладывают, напрочь нарушая соответствие языка речи и мысли. И, например, какая-нибудь собачонка, твякая, думает на человеческим и даже русском языке! А это уже не «реализм», жанр, например «Волшебника Изумрудного города». Прекрасное, кстати, произведение, но историю своего Уллиса, странствий мотылька-Онегина... ну хотя бы попробую изложить «реалистично».

Подхваченная поперек живота и тоже усаженная на колени дружелюбная болонка переступая передними попыталась представиться кошке: «В-ваф-ваф!». Возможно и подумав про себя: «Рр-тявр!», но не подавая виду.

— М-рау, - решила кошка, ненавидяще глядя на твякающий клубок шерсти, возможно пытаюсь гипнотизировать. Но от её вертикально-зрачковых чар болонка была надежно защищена своей подвижной глупостью и весельем.

— Мрразь! - окончательно убедилась кошка и вернулась к своему диссертационному исследованию: «Особенности жизни мотылька-однодневки северного подмосковья». Видно когда-то собаки крупно чем-то провинились перед кошками, как в свою очередь и велосипедисты, парковые бегуны - перед собаками.

Много, много тайн скрыто за кратким словом «инстинкт»!

А в Москве уже успел пройти дождик, на вокзальных платформах поблескивали лужицы, по которым и почапала вышедшая с пожилой дамой болонка. Сохраняя классовую дистанцию, кошка посматривала на всё, качаясь на девочкином плече.

Бабка тоже подхватила корзинки. В эти секунды свой выбор был даже у крохотного мотылька: как распорядиться своей остающейся, еще немалой жизнью? Семь часов и несколько минут утра. Остаться на полюбившихся георгинах? Быть «проданным» вместе с ними где-то в районе Савеловского вокзала или... продолжить свое путешествие так недобровольно начатое? Не будем озвучивать размышления чешуекрылого Уллиса неизвестными ему русскими словами, не будем даже утверждать наличие этих и каких-то вообще мыслей — но простой, простейший факт остается-то! Он правда, мог сделать одно из двух движений: зарыться поглубже в качающийся сноп нежных георгиновых трубочек или взлететь к стальной полке, остаться в Квадрате ада. Наверно Авраам с Лотом выйдя в незнакомую вселенную, открытый космос Ближнего Востока — так же озирались на каждой развилке дорог. И зная — Кто диктовал им решения, трудно, да просто невозможно принять другую версию, вставить другой двигатель в сам Механизм Выбора — любого выбора, независимо от массы тела.

Мотылёк-Уллис выбрал вагон. Не зная, разумеется, какую удивительную встречу подарит ему продолжение пути, он вернулся на железную решетку под серым потолком.

Вокзал - не станция какая, не затерянная лесная платформа, где иногда согласно Расписанию можно и вовсе не останавливаться. Поезд, отдавая дань уважения постоял минут двадцать и медленно двинулся скрежеща на стрелках, по тому хитрому

соединительному пути, с которого и начался сей рассказ. Через некоторое время, пройдя даже небольшой туннель, оказался на Белорусском вокзале. Темнота, ночь в генной памяти бабочки-однодневки возможно сидела, как сигнал смерти, но наш Уллис выдержал испытание и туннелем.

Не будем останавливаться на сравнении Белорусского и Савеловского пригородных направлений, или хотя бы пройдем это побыстрее. Что Белорусское со своими Жуковкой, Николиной горой, графством Рублевским... богаче и престижнее, это понятно, но видящему их впервые всякие дороги интересны. А уж кому и вовсе отмерено увидеть их в жизни только один раз, тем и вовсе мало дела до экономических различий.

Разницу мог видеть машинист: дома, публика. Где-то в одном перегоне от Одинцова начинал строиться и Сергей. Привозили видео, как они с Ириной гуляют по участку, перебрасываются репликами с рабочими. И тычут во все стороны руками, планируют, планируют... Уже в 1992-м земля там была страшно дорогой, хотя, насколько хватало взгляда видеокамеры, голой, увечной как танкодром, «безвидной», как в первой главе Книги Бытия. У всех соседей: котлованы, фундаменты. Хоть хватай любого, спрашивай: «Ну! И кто из вас первый сказал, что это место - престижно?!»

Однако сказал, и сбылось, и теперь на Белорусской дороге до платформы Пионерской справа-слева вдаль мелькали красные башенки, стрельчатые окна, пики с затейливыми флюгерами. Далее богатых домов может и не меньше - но было больше простора, можно не сучиваться у дороги, и... все, как писали, «социальные проблемы», расслоение, архитектурные новорусские причуды мягко вбирал в себя подмосковный русский лес.

Тихий город Вязьма, «Конечная». Вокзал приняв всех пассажиров отправил электричку в тот тупик, где свершалось «библейское» превращение «...и последние станут первыми». Хвостовой вагон становился головным, а сидевший в нем помощник делался на время этого маневра машинистом — еще одна метаморфоза.

После долгой паузы поезд вернулся к платформам. Машинист с помощником неспешно совершили обратное должностное превращение.

Мотылёк остался в хвостовом, немного побился лбом в пыльное окно, словно пытаясь разглядеть ещё и этот свалившийся на него старинный русский город Вязьма. Его отчаянье прошло несколько стадий, но... если уж и кошки-собаки в этом вагоне и рассказе думали: «Мяу» и «Тяф!» — не станем и мысли мотылька озвучивать «человечьим голосом». В памяти его по-прежнему сидел запах, кодовый набор, шифр своей стаи, своей Глазастой, просто набор нескольких молекул и все триллиарды других наборов не рождали в ганглиях, в его однодневном мозгу той радостной вспышки: «Вот она - цель всей моей жизни!» Так и рыба сёмга или лосось, нерка, горбуша, что кормят собой весь Дальний Восток, пересекают самый великий Океан — да еще по диагонали, от берегов Чили до Камчатки, и отыскивают из тысяч рек, ручейков — один, именно тот, где три года назад они бултыхнулись в Жизнь...

Так что упомянутое «отчаянье мотылька» озвучивалось не лермонтовским «...а годы проходят - всё лучшие годы!», а скорее неким гулом, бунташной вибрацией тела парящего пока в полном расцвете сил. Самый сильный и смелый в своей стае, каким-то кошмарным, нелепым порывом, просто завитком сквозняка - выброшен, не убит, но выбит из жизни...

Приметы старения мы различаем только у себе подобных, ну может у самых близких соседей по ветви классификационного древа. И оценить возраст странствовавшего мотылька вряд ли сумел бы энтомолог — только собрат, свой, из своей стаи, а лучше она, Глазастая могли бы убедиться, что он еще о-го-го, вполне и весьма. Потому так сильно, не жалея лба и глазных своих бусин он бился в вагонное окно: усталость, примирение с Судьбой еще не подступили. Уллис, Марко Поло, Фернан Магеллан, Афанасий Никитин... цепко держал в голове запах-шифр Родины. «Всю-то я вселен-ную прое-ехал», готовый ехать еще, пропускать сквозь себя еще несколько вселенных, пока не совпадет генный шифр.

Машинист в ново-головной кабине достал из серой брезентовой сумы пластиковую

бутылку из-под чего-то а ныне с молоком, медленно развернул «тормозок»: хлеб с яйцом вкрутую и круг вареной, цвета мяса колбасы... Укладывая пустую бутылку в суму глянул на часы, еще раз на Расписание. Листок под пластиком, малопрозрачным, тусклым, как стариковские глаза - но колонки цифр еще различимы, и одна из комбинаций: «11:35» приказала машинисту трогаться.

И словно строительная или плотницкая рулетка, разматываемая с четырех утра, электричка начала заглатывать обратно двести километров стального пути и в 14:20 электричка вновь стояла у той платформы Савеловского вокзала, где утром сошли болонка, кошка, бабка с георгинами. Здесь лет двенадцать назад вице-зять Сергей однажды почудился машинисту, сильно, до полной реальности. Садился в его поезд: в зеркале поток входивших в ближние двери был вполне различим. Не прихрамывающий, но опять - вот наваждение! - бедно одетый, в брезентовом дождевике. Приезжал-то он к ним всегда - щеголь щеголем. Может это подсознание машиниста связывало крах, исчезновение человека с повалившимися тогда деньгами, богатством и потому, пытаюсь вернуть, свершало действия обратные — упорно разматывало золотые фараоновы погребальные пелена. Признавая устойчивыми, жизненными, правдоподобными... только привычные, скрепленные всей жизнью нормы «уровни жизни».

Оставив кабину на помощника, он тогда вышел, заглядывая вправо-влево медленно прошел головной вагон и для верности второй. Не было не только Сергея, но и того «кандидата», похожего, в грубом плаще. Смущаясь ошибки, бесцельной прогулки перед пассажирами, он открыл в тамбуре железную створку и с озабоченным видом, скрывая внезапное отчаянье, полминуты смотрел на щитки и рубильники.

Ведя 12-ти вагонный состав, везя тысячу доверившихся людей, о каком-то маневрировании собственной жизнью он не помышлял. Какие-то стрелки, развилки на «жизненном пути», немного, четыре - пять, но конечно были. Встретить любовь, жениться, родить-вырастить дочь... Правда промелькнувшее время сохранив в памяти миллионы подробностей, улыбок, сердечных слов, удачных покупок, новогодних ёлок, первомайских застолий, долгих витиеватых тостов, обновок, поездок на юг... совершенно стерло даже следы каких-то расчетов, его раздумий на тех развилках. Может так казалось за давностью лет, но и в выборе профессии, жены он будто был столь же неволен, ведом судьбой по рельсам, как и в собственном рождении, призыве в армию - тоже, кстати, важные пункты биографии... Нет, не припомнить каких-то особых взвешиваний, размышлений — только чистая благодарность судьбе. Если что сейчас и заботило: лишь как это выразить жене? Почему-то казалось, что она винит себя за дочь, зятя, собственный приближавшийся уход. Что когда-то не смогла выносить второго. Со стороны, теоретически такой итог Судьбы, такая «конфигурация» может и будет выглядеть ущербно: вдовец и стареющая одинокая дочь... но это ведь лишь внешний взгляд! Вроде того листочка Всероссийской Переписи населения, с которым к ним давно, кажется в 2002-м заявили под самый вечер трое развеселых студентов. Что-то в репликах, взглядах тогда мелькнуло... ладно, ерунда... а как сейчас показать жене, что он и не думает винить, а очень крепко ей за всю жизнь благодарен - вот задача. В начале шестого он будет дома, надо обязательно уговорить её сходить на Канал Москва-Волга - в годы их юности самое популярное место в летние дни: купание, мороженное, шашлыки. Сегодня пару раз громыхало где-то, но... слава Богу. Собраться, пройти километр до их места на Канале ей будет тяжеловато, но солнышко, держащаяся погода будут хорошими аргументами. И вечерняя прогулка стала главной целью спешащего домой машиниста. Правда смешно даже звучит «спешащего» - в случае машиниста. Расписание. Тут доверившиеся пассажиры могут быть спокойны, нарушить строчки этого Молитвослова Минтранса, Требника - всё равно что... на одной колее попытаться обогнать предыдущую электричку. Фантазия. Вся «спешка» машиниста выражалась лишь в том, что он чаще обычного посматривал в левое окно: желтый глаз солнца еще не закатывался, день пока держался.

Но многим пассажирам щедрость «дневного светила» казалась чрезмерной, и жалуясь на «жару», «пекло» они пооткрывали форточки. Мотыльку включенная в вагоне буря стала

очередным испытанием в его долгой и многотрудной жизни. Тратя последние силы, он цеплялся за прорези багажных полок, отыскивал подветренные склоны громоздившихся сумок. И ни одной генно знакомой травинки, листка, цепляться за которые с рождения обучены все шесть его ножек. Ни корзины цветов: кто ж везет из Москвы в область!, ни рассады: июль. Хвататься приходилось за нейлон и пластик пакетов. Когда выходившие в Лобне, Икше, Яхроме снимали и их, он перелетал, отыскивал новые укрытия. Возможно, бороться за жизнь ему придавало сил ощущаемое после Дмитрова и платформы Каналстрой – приближение Родины. Подчеркну, это лишь гипотеза, на самом деле мы (к счастью!) не знаем, как рыбина сёмга отправляясь чуть не от Огненной Земли, отыскивает на другом конце глобуса свою закамчатскую речушку. Как бабочка ловит в десяти воздушных кубокилометрах - «свою молекулу». И, если уж совсем честно, как-то спокойнее, пока эти тайны Жизни остаются «нераскрытыми».

К тому же, где тайна там и надежда, а вот разгаданный до конца кроссворд... Кроссворд. Именно такой и попался мотыльку, когда в пустеющем вагоне он рискнул опуститься с высот багажных полок в долины дермантиновых сидений. На одном из них и лежала желтоватая газетка «Кроссворды-сканворды». Видно пассажир-дмитровчанин, «убив время» дороги, заполнив словесные лабиринты до последней буквы и убедившись, что ни счастливее, ни хотя бы умнее он от этого не стал, бросил здесь её, ставшую временным аэродромом для безмерно усталого мотылька.

Пошевеливая крыльями он переступил... еще, и наконец, остановился на дорожке из пяти серых квадратиков, в каждом из которых стояли вписанные синей шариковой ручкой буквы: ж, и, з, н, ь — бывшие все вместе, в своем строю ответом на хитрый вопрос творца кроссворда: «Форма существования белковых тел», 5 букв по вертикали... Подобных передышек в движении поезда, прекращений грохота и вагонных воздушных бурь в жизни мотылька уже было очень много, но это была какая-то слишком долгая и блаженная...

И вдруг через левую форточку донесся он, Глас природы. Точнее не всей Природы – мирового собрания всех живых, а части её, бесконечно, ничтожно малой, но уделенной именно для них – бабочек-однодневок. Шифр бензойных молекул, кодовая комбинация их стаи, граждан родившихся этим июльским днем на берегу лесной лужи близ поляны, что рядом с платформой электричек Савеловского направления (самый точный адрес)... Взлетев с газетного аэродрома с его полосой «5 букв по вертикали», мотылек взлетел к открытой фортке, и оттолкнувшись от стальной рамки, он, наконец, распрощался с вагоном, укравшим почти всю его жизнь.

И на этом жарком июльском закате ему нежданно повезло: устало прядая, он пересек встречный путь буквально за секунды до того, как по нему промчался какой-то вспомогательный вагон-дрезина с краном. Ошметок разорванного воздуха хлестнул, швырнул его напоследок, но не добил. И вот он, преодолевая ту усталость, что объединяется со старостью — в некую уже беспощадную... устарость, взлетел наконец на ту платформу, к той скамье, где утром начался его танец вокруг Глазастой. Никого. Но запах, бомбардировка его неведомого датчика – знакомыми молекулами усилилась. «Приборчик» хоть и созданный на один день — был еще исправен и по градиенту запаха указал мотыльку правильный курс. Напомнил, что в самом раннем их детстве-отрочестве, этим утром... до того, как ринуться на поманившую их платформу, к коварным поездам, они танцевали на полянке. Кочковатая, вся в цветных картонных ошметках, жестебанках, сигаретных пачках, бутылках (много спешащих к электричкам), покрытая неувядаемым иван-чаем, снытью, крапивой и отцветшими одуванчиками. А на частых проплешинах нет и того — только налипшие зеленоватые пластыри подорожника. В общем — та полянка... Незакатившийся еще глаз июльского солнца бросал взоры-лучи на измученно прядающего мотылька и на спешащего домой машиниста подергиванием правого плеча удерживавшего сползающий на ходу ремень брезентовой сумки. Солнце весь день разрезавшее и успешно прогонявшее наползающие со стороны Смоленска тучи, пока еще не устало, а если и устало – не подавало виду, обещая добрый вечер всем спешащим, допивающим на ходу ароматы подогретого иван-чая.

Еще оставалась в виду платформа с серо-кирпичной будкой продажи билетов, а тропинка

взобралась на маленькую, даже не сказать возвышенность — просто совсем небольшой, покатым лоб замусоренной полянки. Отсюда в трех крайних домах поселка уже можно было пересчитывать окна. Пожилой машинист спешил к тому, что справа. Второй этаж, окно с красной занавеской. Еще через метров сто можно будет различить и силуэт жены: она будет стоять зная наизусть осенявшее их общую жизнь – Расписание. Всегда его высматривает, облокотившись на подоконник слева от горшка герани. Ну может, на полминутки отойдет на кухню к кастрюлям («Твои любимые... привычная игриво-цирковая пауза... тефтели»). Но сейчас, вкуче с отголосками её утреннего сухого кашля — и четвертьминутное отсутствие в окне рядом с геранью родного силуэта, заставляло пожилого машиниста переходить почти на бег.

А мотылёк летел другим краем поляны, там где тропинка сваливаясь с косогора влево — уходит к лесу, в неглубокой глубине которого и цедился сквозь осоку один совершенно крошечный ручеек. Строгая гидрографическая судьба не позволила ему и на чуточку показаться из этого леска. Лишь родиться под безымянной корягой и через считанные десятки метров навсегда уткнуться в подушку небольшой лесной лужи, чуть замочившей ноги трем березками и паре осин. Только в летних зенитах солнце могло пробиться к мутному зеркальцу с патиной серой ряски и плавающими желтым листьями. Да, скорее просто лужа, чем хоть микро-микро-озерко, но именно там, там родился мотылёк-Магеллан. Сегодня, около четырех часов утра, вместе с Глазастой, вместе со всем своим чешуекрылым поколением. Биологический диктант жизни не всех насекомых одинаков, но бабочек-однодневок он немножко ровнял с Афродитой: родиться суждено в воде. И вдоволь натанцевавшись за день, порхая выказав силу своих крыл, найти свою суженную, вернуться. Оставить прилепившиеся к водным былинкам белые, меньше маковой росинки точки, икринки будущих жизней. «Всякая тварь после соития глядит печально» - подметил Аристотель. В случае наших мотыльков пружинка запускаемой утром программы не предусматривала, как например, для богомола, мгновенной или быстрой смерти после выполнения Главного Дела Жизни, и... некоторые из них продолжали еще то, чему только и были обучены: танцевали, кружились, взлетали, прядали и порхали в постепенно остывавшем июльском воздухе. Продолжали по... о, как бы избежать тут смертельного слова «инерция»? и чем бы заменить убогое слово «привычка»? Но, в общем, продолжали свой бал, смотревшийся теперь уже немного по-другому. Уворачиваясь от шмелей и стрекоз, мотылёк-Магеллан нырнул в свой неглубокий лесок. Треск счетчика «своих молекул» усилился необычайно, почти разрывал бедную голову. Еще рывок и увидел свою сильно поределую стайку... В этот час, в эти минуты вечера, когда его друзья-ровесники, не связанные уже нитью Главного инстинкта, теряя последние тук-туки управлявшего ритма жизни, тик-таки отпущенного времени, осыпались на гладь воды, Он и увидел свою Глазастую, включился в замедляющийся танец, и... обмен кодовыми молекулами показал ему: Она узнала! Вечерний луч из числа последних пробивавшихся сквозь плотнеющий березовый занавес, ударил по темневшему зеркальцу лужи, отразился театральной подсветкой на слюдяных крыльях, дрожанием рождавших знак большого вопрошавшего Глаза. — Где? Где?! Ну где же ты был...

Эпилограф.

Нет, не получилось завершить рассказ, соответствуя провозглашенным как раз сегодня утром правилам строгого классического реализма, так чтоб у всех-всех язык мысли соответствовал языку речи, что бы и кошки думали «Мяу», и собаки - «Гав», чтоб не наваливать на животных, насекомых, рыб — тяжкий им, неподъемный груз наших сантиментов, тоски, сомнений...

— Где? Где?! Ну где же ты был... весь этот день?

— О, эти электрички!

... Единственно, хоть машинист успел. Застал жену дремавшей на диванчике.

— Извини. Встречала же, стояла у окна, да вот что-то прилегла, забылась.

— Что ты, что ты! Это я сегодня выбился из расписания...

Произнесено обоими - абсолютно не разжимая губ, но слышано и понято на Эфирном Языке вибрирующих крыльев души, само существование которого оставляет тонкую паутинку надежды на встречу и за гранью положенных Метаморфоз.

[Игорь ШУМЕЙКО](#) - 05 мая 2017

<http://webkamerton.ru//2017/05/raspisanie-babocек>